

An abstract watercolor illustration featuring a central blue shape with white swirls and wavy lines. It is surrounded by orange shapes and small dark, textured objects on thin stems.

Ева Левит

Бог нажимает на кнопки

Это вымысел, списанный с натуры, приправленный воображением, сдвинутый в будущее, замешенное на прошлом. Но главное в рецепте — дрожжи любви. Любви беспричинной. Я лишь в финале поняла, что же это такое.

Ева Левит

Ева Левит

Бог нажимает на кнопки

Серия «Интересное время»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42566335

Ева Левит. Бог нажимает на кнопки : роман: «Время»; Москва; 2019

ISBN 978-5-9691-1874-4

Аннотация

Антиутопия (а перед вами, читатель, типичный представитель этого популярного жанра) – художественное произведение, описывающее фантастический мир, в котором возобладали негативные тенденции развития. Это не мешает автору сказать, что его вымысел «списан с натуры». Потому что читатели легко узнают себя во влюбленных Кирочке и Жене; непременно вспомнят бесконечные телевизионные шоу, заменяющие людям реальную жизнь; восстановят в памяти имена и лица сумасшедших диктаторов, возомнивших себя богами и чудотворцами. Нет и никогда не будет на свете большего чуда, чем близость родственных душ, счастье понимания и веры в бескорыстную любовь – автору удалось донести до читателя эту важную мысль, хотя героям романа ради такого понимания приходится пройти круги настоящего ада. Финал у романа открытый, но открыт он в будущее, в котором брезжит надежда.

Содержание

Часть первая. Разновременье	5
Глава 1. 2000 год	5
Глава 2. 2024 год	17
Глава 3. 2001 год	22
Глава 4. 2027 год	29
Глава 5. 2000 год	37
Глава 6. 2024 год	43
Глава 7. 2001 год	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Ева Левит

Бог нажимает на кнопки

© Ева Левит, 2019

© «Время», 2019

*** * ***

Часть первая. Разновременье

Глава 1. 2000 год

– Значит, вы все-таки решились? Смею вас уверить, что это совершенно правильное решение! Даже и не сомневайтесь! – с этими словами приткий старичок изобразил одну из своих привычных ужимок и поскреб карандашом по ведомости. В месте поскребывания образовалась вполне себе солидная галочка, преувеличенно жирная справа.

Со старичком она виделась не впервые, а потому смотрела на него без прежней робости. Может быть, на этот раз он начал даже внушать ей симпатию. Таким мог бы быть какой-нибудь дальний родственник – обстоятельный, благожелательный, пронырливый, жаждущий приносить добро на закате жизни.

А ведь еще неделю назад он показался ей чуть ли не злым волшебником, который варит зелье из младенческих трупиков.

Слово «трупик» неприятно засвербело в мозгу. Ритмично, в идеальном соответствии с поскребыванием карандашного острия, которое, уже прочертив несносную галку, продолжало терзать бумагу.

Захотелось отогнать нехорошее слово. Другого способа,

кроме как заговорить со старичком, она для этого не нашла.

– Вы так думаете? – переспросила она в очередной раз.

– О, уверяю вас, именно так я и думаю.

Старичок опять скроил ужимку, при которой одна из его бровей уж как-то очень сильно наползла на глаз, словно пряча от непрошенных гостей невиданную драгоценность.

Девушка посмотрела на подвижную бровь с прежней опаской, но старичок, чуткий к настроениям клиентуры, тут же весь расправился и расцвел улыбкой. На этот раз, впрочем, неестественно обнажились вставные зубы.

«Злой, злой!» – опять пронеслось у нее в голове.

– Я же вам искренне добра желаю! – словно в ответ на эти мысли запел он. – Наичистейшего, если позволите так выразиться, добра!

Она не могла ему не позволить. Тут он был хозяином, а она – заинтересованным лицом.

Но почему же тогда ей все время казалось, что за всем этим стоит какое-то жульничество, какое-то вопиющее надругательство?

Над нею или над кем иным производилась эта несправедливость, она не понимала, но чувство это, как шелуха от семечки, засевшая в десне, ее не покидало и не давало расслабиться.

– И я ни о чем не должна заботиться... ну, лично?

– В этом-то и прелесть, моя прелесть. Прошу прощения за каламбур, но именно в этом и прелесть. Вам ровным счетом

ни о чем не надо заботиться. Мы сделаем все сами. Вы практически и не почувствуете ничего обременительного. Ну разве что кроме самого, так сказать, ответственного момента. К чему, опять же так сказать, сама физиология обязывает. Но в остальном... – тут старичок решительно раскинул руки и слегка отшатнулся для равновесия и большей величавости, – никакого беспокойства. Никакошенького!

Девушка впитала его слова и – то ли уже совершенно убежденная ими, то ли помогая себе стать более убежденной – закивала.

– Ну, стало быть, договорились, – подытожил старичок. – Держите с нами связь. Сообщайте о своем состоянии и местоположении. Будут проблемы – не стесняйтесь, поможем решить. Ну и до встречи!

– Да, до встречи.

– До встречи.

– Да-да, до встречи.

Она поднялась с покрытого фальшивой кожей кресла, которое десять минут назад всосало ее с мягким и тихим хлопком, а сейчас, словно с сожалением, выпустило и вздохнуло, набирая в освобожденную от тяжести полость воздух и грусть расставания.

Три шага до двери.

Скрип – и дверь настежь.

Скрип – и она уже закрывается за спиной.

А на ней табличка. С простой и ни к чему не обязывающей

надписью: «Контора». А что за контора, по какому поводу контора – об этом никому знать не обязательно. А те, кто знает, не расскажут, проси не проси.

Женщина попала сюда по объявлению. А можно сказать, что и по чудесному стечению обстоятельств, которое подбросило ее заполненному слезами и расплывшейся тушью глазу то странное объявление. Это было ровно две недели назад, в почти такой же серый и скучный вторник.

Она тогда сидела на трамвайной остановке и совсем не знала, как ей быть. Как будто бы внутри нее тоже проложены трамвайные рельсы, назначения которых она раньше не ведала и не хотела узнать. Как будто бы она просто предвкушала, что эти гладкие, уходящие за пределы видимого полосы обязаны вести к счастью. И как будто бы ее, ожидающую этого обещанного счастья, стоящую прямо на рельсах, переехал не предсказанный расписанием трамвай, дребезжащий и облупленный, невероятно мощный и не менее безжалостный.

Больше покореженные рельсы ее наивных чаяний никуда не поведут. Их выворотило из земли, завязало узлом, вздыбило в уплотнившийся от боли воздух. И она теперь совсем не знает, куда ей деваться.

И настоящего трамвая, который вот-вот появится на станции, она тоже ждет только лишь по инерции, потому что еще с утра планировала его здесь ждать.

А ведь сейчас уже необходимость в этом отпала. Ожидание бессмысленно. Ровно столько же толку было бы от того,

чтобы перейти через настоящие рельсы и усесться на остановке напротив. И ждать там. И сесть в вагон с той стороны.

Потому что ехать теперь некуда и незачем. И сидеть на остановке незачем. И быть тоже незачем.

– А ты не плачь, – велел спокойный голос над правым ухом, чуть сверху и сзади.

– Фффффффф, – втянула она воздух заложенным от слез маленьким носом.

– Не втягивай, а высмаркивай, – продолжил раздавать свои распоряжения голос.

– А у меня платка нет.

– А ты в подол.

– Так я же в брюках.

– А ты в рукав.

– У вас на все есть решение?

– На все не бывает, а на решаемые вещи найдется.

Тут-то пора было бы обернуться и рассмотреть самоуверенного советчика, но ей почему-то не хотелось этого делать. Во-первых, звук мог не совпасть с картинкой, и, соответственно, человек, стоящий за спиной, мог оказаться несимпатичным и ненужным. А это было бы жаль, потому что голос его ей нравился.

Если же речь шла о милом человеке, то тогда не стоило показываться ему с расцвеченным размытой косметикой и недавно возникшим синяком лицом.

Впрочем, какая разница? Жизнь ведь все равно останови-

лась.

– Жизнь продолжается, хотим мы этого или нет, – констатировал голос.

«Он читает мысли», – подумалось ей тогда.

– А с синяком надо что-то делать, – ответил он, уже не так впопад (значит, не читает), зато выдвигаясь на передний план. Обладатель голоса, соответственно, заглянул ей в лицо.

Это был человек средних лет и средних внешних данных. На носу у него кривовато сидели очки с примотанной пластырем левой пластмассовой дужкой. В руках был портфель из кожи, и складки этого портфеля почему-то казались ужасно родными и теплыми, словно опущенные уголки бабушкиных губ, словно морщины бегемота, виденного в детстве, словно стертая годами перчатка учителя, поднявшего на ноги после того, как растянулась на неровном асфальте.

– А что с ним делать? – вспомнила она про синяк.

– Приложить мокрую газету.

– У меня нет газеты.

– У меня есть.

С этими словами он присел рядом, расстегнул портфель и извлек оттуда сильно пахнувший типографской краской номер.

– Газета вчерашняя, – зачем-то объявил человек.

Она решила уточнить, с какой целью это сказано, и сделала предположение:

– Это значит, что вы ее уже прочли и вам не жалко с ней расстаться?

– Я газет не читаю, – совсем странно ответил человек. – Ни вчерашних, ни сегодняшних.

– А зачем тогда вы носите ее с собой?

– Потому что дали.

– Потому что дали?

– Ну да.

– Кто дал?

– Ну кто обычно раздает газеты? Какая-то пожилая женщина в красном фартуке и в красной кепке. Она дала, а я взял. Мог бы и не брать – многие так и делали. Но я всегда беру то, что мне дают.

– Почему?

– Не почему, а зачем.

– Не почему, а зачем? – диалог становился все более невероятным.

– «Почему» – это чтобы объяснить причину происшедшего, а «зачем» – это чтобы указать на его цель и последствия. Согласитесь, задаваться вторым вопросом намного приятнее, чем первым. По крайней мере, вы смотрите не во вчера, а в завтра.

– Я запуталась, – объявила она.

– Я поясню, – согласился человек, без всякой, кстати, снисходительности или досады.

Она тогда высморкалась в рукав и приготовилась слушать

объяснения.

– Вы желаете знать, что делает в моем портфеле вчерашняя газета. Все очень просто: она попала туда еще вчера, пока была сегодняшней, уже описанным мною ранее способом – из рук в руки, от женщины в красной униформе вашему покорному слуге. Первым побуждением одаренных газетами пешеходов бывает избавиться от всученного на ходу чтива и выбросить его в ближайшую урну. Это если мы имеем дело с интеллигентным человеком, ибо неинтеллигентный выбросит ее, не дойдя до урны. Я же никогда не выбрасываю того, что мне дали, так как постоянно руководствуюсь вопросом: а зачем? Зачем та или иная вещь попала в мои руки. Или в голову, например.

– Вам что-то падало на голову? – удивилась она.

– Нет, это я в фигуральном смысле. Имея в виду идею или информацию, которые часто попадают к нам таким же точно способом – навязчивым и непрошеным всучиванием.

– А.

– И. Спросив себя, зачем нечто стало моей собственностью, я не всегда сразу нахожу ответ. Но рано или поздно нахожу. Представьте себе, что вы не голодны, но ваша мама...

– У меня нет мамы, – встряла она.

– Сочувствую вам. У меня, кстати, тоже. Тогда не мама, а кто-то иной. Любой человек, который о вас заботится.

– У меня нет такого человека.

– Пусть это буду я, – предложил он.

– Для примера? – наивно спросила она.

– Если вы хотите, я могу о вас заботиться и вне рамок этого невольного урока.

– Спасибо, – только и сказала она и опять заплакала.

– А ты не плачь!

Эта фраза прозвучала ровно так же, как это было несколько минут назад, когда голос еще только нависал сзади и справа. Если бы она продолжала смотреть в другую сторону или закрыла глаза, звуковое тождество, наверное, отбросило бы ее назад, в прошлое. И весь успевший состояться разговор, должно быть, повторился бы один в один. Но сейчас она смотрела обладателю сломанных очков и вчерашней газеты прямо в глаза. А потому в прошлое было не вернуться, а надо было слушать дальше.

– Я дам вам банан, – между тем продолжил незнакомец.

– Спасибо, я не голодна.

– А у меня нет банана. Это я продолжаю начатый пример.

– А.

– И. Вы из деликатности, чтобы не обижать заботящегося о вас человека отказом, возьмете банан и положите его в сумку. А потом благополучно забудете его на целый день. Выйдете на обеденный перерыв. Съедите пюре с горошком или пиццу. И снова окажетесь сытой. А банан останется в вашей сумке. Пока по дороге домой вы не встретите голодного человека, для которого забытый вами банан может оказаться сокровищем.

– А как это голодный узнает, что у меня есть банан?

– Вы сами ему об этом скажете.

– А как я узнаю, что он голоден?

– Если ему будет нужен ваш банан, это произойдет неизбежно. Вы просто увидите и поймете. Или он сам подойдет и попросит еды. Или... Это, впрочем, неважно. Важно, что я с самого начала был уверен, что эта газета кому-то пригодится. И теперь я знаю точно, что этот кто-то – вы. И если вы мне позволите как можно скорее приложить ее к вашему синяку, есть шанс, что он будет менее заметен уже к вечеру. Максимум – к утру, когда эта газета станет позавчерашней и будет выброшена.

– У меня есть минеральная вода в бутылке, – сказала девушка.

– Ну, теперь вы видите, как прекрасна идеальными совпадениями наша жизнь?

– Жизнь совсем не прекрасна, – насупилась она.

– Я не буду с вами спорить, я буду бороться с вашим синяком.

– А вы не хотите спросить, откуда он взялся?

– Совсем не хочу, – ответил он. – Я нелюбопытен и по этой причине никогда не читаю газет. Но я всегда знаю то, что мне надо знать. Такие вещи, как правило, не проходят мимо.

– А вы заметили, что трамвая все нет и нет? – вдруг спросила она, подрагивая от прикосновений холодной мокрой га-

зеты.

– Трамваи, как правило, тоже не проходят мимо. Ваш придет тогда, когда настанет его время.

– Мой? А вы разве не ждете трамвая?

– Нет. Я предпочитаю ходить пешком.

– А что же вы делаете на трамвайной остановке?

– Лечу ваш синяк.

– А как вы здесь оказались?

– Я бы сказал, что шел мимо, но я ведь тоже, как правило, мимо не прохожу.

– Вы такой странный, – сказала она. – Совсем не похожий на других.

– Я уверен, что любой другой, заметивший плачущую девушку, поступил бы точно так же. Подошел бы и предложил свои услуги.

– Но у него могло бы и не оказаться вчерашней газеты.

– Это так, – согласился он. – Однако должен признать, что в медицинском смысле вчерашняя ничуть не уступает сегодняшней.

– У него могло и сегодняшней не оказаться.

– И это правда. Но вам и вовсе не стоит об этом думать, потому что к событиям состоявшимся сослагательное наклонение неприменимо. А так как я уже слышу приближающийся трамвай, то скажу вам напоследок три вещи. Первая: если я вам понадоблюсь, меня всегда можно найти в магазине старой книги напротив центрального рынка. Вторая: газету

стоит подержать у синяка полчаса. И третья: мне кажется, вам тоже не стоит читать газет.

— А я их тоже не читаю, — улыбнулась она, вставая навстречу трамваю.

— И не стоит начинать.

— Не буду.

Но она его обманула. Уже через полчаса, сидя на другой трамвайной остановке — там, где ей надо было выходить, — она отлепила от скулы газету и уперлась глазом в объявление.

Оно гласило, что женщинам в таком же проблематичном положении, в котором оказалась она, можно обращаться в «Контору», где им помогут самым лучшим образом. Так что жизнь, чуть было не завершившаяся катастрофой, очень скоро выправится и еще станет хорошей.

В конторе ждал пряткий старичок, который сначала показался злым волшебником, а потом заботливым родственником. И решение было принято. Но только сейчас почему-то опять вдруг кольнуло то вторичное чувство, которое впервые появилось тогда же, две недели назад, на остановке. Чувство, что надо было послушаться человека с добрым складчатым портфелем и не читать газет. Газету, которую подсунул ей не кто иной, как он сам.

Глава 2. 2024 год

И слепым людям снятся сны.

Им снится все то же, что и остальным, только без картинки. Вот, например, ему прямо сейчас снилась черешня. Сочная такая, тугая, нажмешь пальцами – пружинит. Надкусишь – истекает дивной, нежной, растворяющейся под зубами мякотью. Гладенькая такая черешня, мокрая, из пакета. На тонких палочках, от которых ее можно отрывать руками и губами. С немой упругой дрожью или со звонким чпоканьем соответственно.

И шуршание пакета. Доброжелательное – мол, бери меня всего, раскрывай и используй. С гулким подхлупыванием стекающих на дно капель. С гладкой русалочьей хваткой, когда пакет прилипает к тыльной стороне ладони. С исчезающей вместе с каждой съеденной ягодой тяжестью. С грустью, которая сопровождает эту стремительно набирающую силу легкость. С сожалением от того, что черешня кончается. Конкретно в этом пакете и на рынках вообще – с окончанием сезона.

К чему снится черешня?

К лету?

К возвращению мамы из больницы?

К новой музыке, которая появится в наушниках поутру?

К сладким губам любимой девушки, которая сможет не

испугаться связать свою жизнь с таким, как он?

Об этом он подумает завтра. А сейчас он спит, и ему просто снится черешня.

А потом она кончается во сне, и начинается другой сон. Про дождь за окном.

Это, наверное, оттого, что сначала ему снился мокрый па-кет.

Так работает наш мозг: влага – к влаге, капли от мокрой черешни – к каплям, барабнящим по стеклу.

Дождь был сначала приятным, мелодичным, вкусным, а потом начал перерастать во что-то другое, тревожное и пугающее. Легкая дробь словно обтянутых в мягкую ткань палочек сменилась грозной, литавровой. И ритм сбился: то мелко-зернистый, то тяжелый, медленный, с синкопами, будто прихрамывающий то на одну, то на другую ногу.

В этом новом дожде было что-то знакомое. Напоминающее о чем-то уже слышанном и уложенном в голове. О Григе, что ли. Да, словно сразу несколько тем из «Пер Гюнта» смешались воедино и зашумели по окнам одновременно, но, конечно, не в унисон. Вот по одному стеклу явно проходит шествие гномов, а по другому – сам старина Пер возвращается на родину, в Гудбраннскую долину. Но гномы не дают, угрожают настырным форте. А Перу по барабану, он прет себе, так что чуть стекло не лопається под его шагами. И не отягчают его ни страшные воспоминания о замученных в цепях рабах, подвешенных за эти самые цепи на его собствен-

ной совести, ни дни, проведенные в сумасшедшем доме.

Почему «Пер Гюнт»?

А почему черешня?

Он просто спал и видел сны. И дождь из последнего сна омывал встрепанный город и выхолащивал из него все остальные звуки, кроме шлепков не на шутку зарядивших капель. Не осталось ни шороха шин паркующихся машин, ни кошачьего плача, ни ликования промокших путников, наконец-то добравшихся до дымящихся чайных кружек, ни треска сучьев, пожираемых пламенем, которое бездомные развели под широким городским мостом. Ничего не осталось. Только капли. Только гномы. Только шаги на родину.

А ему хорошо. Ему не страшен дождь, потому что он закутан в теплое одеяло. И ему снится одеяльный кокон – мягкий, синтепоновый, пропитанный странной смесью запахов: стирального порошка, шкафа и его собственного телесного аромата, который усиливается от лодыжек к шее и особенно на волосах.

Ему снится запах уютного дома. Запах смешивается со звуком дождя и заставляет его улыбнуться. Прямо во сне. Потому что ему славно в своей кровати. И потому что он только что объелся черешней. И потому что маму завтра должны выписать из больницы.

Или это уже не мысль из сна? Может, он не заметил, как проснулся?

Но нет, он опять проваливается в сон. В котором дожде-

вые струи вдруг проникают сквозь стекло и застревают у него между пальцами. И он начинает заплетать эти струи в косички. Тоненькие, нежные, но упругие.

Косички он всегда хорошо заплетал. Своей сестричке. Ее любимым куклам: Ларисе, Клариссе и Беатрисе.

Волосы были разные на ощупь, и он всегда знал, какую куклу держит в руках. Даже когда сестра обманывала его и называла другое кукольное имя, он всегда знал правду. А она никогда не могла понять, как ему это удается.

Если бы она привыкла концентрировать суть жизни в кончиках пальцев, она бы не удивлялась.

А дождевые косички были еще приятнее, чем сестрины и кукольные. Они пружинили у него в руках с такой преданной мягкостью, что ему вдруг захотелось расплакаться. И он тут же заплакал, и начал вплетать упавшие на руки слезы в дождевые косы, и слушал Грига. Только теперь это уже, наверное, была песня Сольвейг.

Впрочем, во сне он бы не поручился за свою музыкальную грамотность. А проснувшись, скорее всего, и не вспомнит о том, что ему снилось.

Но какая разница? Это же будет только утром. А сейчас: тепло, одеяльный кокон, дробь капель, струи под пальцами и запахи.

Скрип двери.

Не во сне, а наяву.

Тени на пороге.

– Вы можете включить свет, ему это не помешает, – говорит отец.

– В этом нету надобности, – отвечает кто-то там. Кто-то, у кого еще нет имени и чей голос не вписан в картотеку голосов.

Или это все-таки ему снится?

Он издает слабый звук.

Дверь тут же закрывается.

Медленно, без нервов.

Зачем кто-то входил к нему в комнату посреди ночи?

Он не будет искать ответа. Ему это сейчас неважно, потому что сон затягивает его обратно.

Он переворачивается на другой бок, и из его приоткрывшихся губ стекает сладкая слюна, пропитанная черешневым соком.

О черешня! Такая гладкая, бодрая. И он начинает насыщать черешенки на дождевые косички. Как заколки – за черенки.

Глава 3. 2001 год

В ясельной группе было гораздо больше порядка, чем на этаже детского сада. Оно и понятно: груднички еще не умеют балаганить.

Румяную няню звали Василисой, и в данный момент она двигалась по комнате как древний языческий дух: на что взглянет – то расцветает буйной порослью жизни, к чему прикоснется – то вибрирует восторгом и лопаются пузырьками звонкого смеха.

Крахмальный халат не сходится на груди. По спине вьется рыжая коса. Хороша девка – оценить только некому, вокруг ведь одни младенцы: пищат, скулят.

Но и они, с еще неразвитым мозгом и примитивной хваткой за недолгое пока существование, уже знают, уже как-то чувствуют, что Василиса – их шанс, их живительный источник, их материнский ствол, вокруг которого надо обвиться плющом. Цепко, намертво, ни за что не отпуская.

Василиса творит жизнь. Споро и весело заваривает кашку. Ловко наполняет бутылочки. А потом разносит их, прижимая рукой к животу сразу по десять штук, и вставляет в маленькие рты, которые открываются с благодарностью. И присасываются. И самозабвенно чмокают.

Вечером она будет их купать. Деловито, добротнo. И никому не попадет мыло в глаза. И никто не заплачет от го-

рячей или холодной воды. Наоборот: те, кто уже умеет улыбаться, будут делать это, щербато и сладко.

Всем бы малышам такую няню. Но не во всех яслях так хорошо платят. А иначе бы им в глаза не видеть Василисы. И подмывала бы их, и невкусной кашей кормила бы совсем другая женщина, невеселая и придавленная невзгодами. И ничего бы в этой комнате не расцветало. И вместо смеха ее наполнял бы плотный несокрушимый плач. И пахло бы мочой и плесенью.

– Откуда у них такие деньги? – спрашивала у Василисы подруга.

– Почем мне знать? Мне дают – я беру, – отвечала рыжая няня.

– И ты за свою плату только за детишками следишь?

Подруга прищуривается, а Василиса пытается понять, в чем тут подковырка, в чем подтекст ее вопроса. Не понимает, простая душа.

– За детишками. Ну там еще простынки накрахмалить, бутылочки помыть.

Подруга в изумлении. Простая няня в яслях, а поди ж ты – получает как аудитор какой-нибудь в приличном банке. Странно.

А вот Василисе почему-то это совсем не кажется странным.

– Наверное, наш директор просто детей любит и хочет для них как лучше, – предполагает она.

– Ну-ну, – ухмыляется подруга.

– А почему бы и нет? – бросается на защиту Василиса. –

Они ж сиротки, у них никого в целом свете нет.

– Брошенные.

– Кто брошенный, у кого мамка родами умерла.

– Да разве ж в наше время умирают?

– Всякое бывает.

– А брошенных? Неужто так много?

– Хватает. Да к нам и из других городов привозят. У нас очень хорошая репутация.

– Частный сад для сирот на спонсорские деньги всяко лучше, чем по казенным интернатам маяться. Только все же не пойму я, зачем этому спонсору нужно нянькаться с чужими детьми.

– Нянькаюсь с ними я, – поправляет Василиса. – А у него, видать, просто доброе сердце. А может, он и сам сирота. Хлебнул горя в детском доме, вот и жалеет таких же, как он, подкидышей.

– Это вряд ли, – не соглашается подруга. – Они обычно злыми вырастают.

– Вот чтоб не вырастали, он это и делает. В смысле, чтоб вырастали, но не злыми.

– Тот, кого обнимала ты, злым не вырастет точно, – подытоживает подруга.

Василиса только поводит плечами, и при этом жесте ее большая грудь колыхнется и словно манит: обопрись на меня,

приляг поскорей, я самое надежное твое пристанище в этой жизни.

Любой из Василисиных воспитанников с этим бы согласился, если бы уже умел говорить.

С этим бы согласился и директор сада, который не раз и не два заглядывал в ясельную группу с одной только целью – увидеть рыжую красотку. Хоть бы и мельком. А если повезет притаиться за полураскрытой дверью, то и долго, внимательно разглядывать ее быстрое ладное тело, порхающее по комнате.

И то ли морок какой находил в такие минуты на директора, то ли фантазия играла с ним злую шутку, но часто казалось ему, что Василиса не касается ногами пола, но возносится над ним как минимум на пару сантиметров.

– Колдунья! – восхищенно шептал директор. – Баловница! Душка!

Но все его восторги оставались при нем, потому что любые романтические поползновения на работе были бы очень плохо приняты владельцем их образовательного заведения – строгим и загадочным Филантропом с большой буквы.

Он сам видел Филантропа всего один раз в жизни, и воспоминания об этой встрече засели в его голове как иголка, прокаленная в огне для извлечения занозы.

Казалось бы, использовал иголку – и отложи ее в сторону. Но в данном случае все было не так. Ею словно бы продолжали ковырять в директорском мозгу, и с каждым поворотом

она вгрызалась в податливую материю все глубже и глубже, а на спине директора образовывался липкий ручеек не менее горячего пота. Вот каким воздействием на людей отличался Филантроп.

Был он не то чтобы страшен, а как-то зловещ. Не уродлив, но отвратителен. Наверное, потому что лицо его почти не обладало мимикой и он не улыбался ни шуткам, ни комплиментам – ни губами, ни хотя бы уголками глаз.

Взгляд его был пронизателен и пронзителен. При этом создавалось ощущение, что он впитывает суть изучаемого предмета за считанные секунды, а потом протыкает его насквозь и дальше идет по жизни с целой гирляндой нанизанных на взгляд, как на штык, абстрактных впечатлений.

Директор вострепетал на первой же секунде их знакомства и дальше уже мог только семенить следом да поддакивать, пока Филантроп проводил свой первый (и на данный момент единственный) ревизорский обход подведомственного им обоим заведения.

– Дети должны быть здоровы! – вот, пожалуй, единственная фраза, которую хозяин позволил себе произнести. Все остальные его движения осуществлялись в полной тишине.

– Здоровье – это наша первая забота! – поспешил заверить директор. – Врачи ежедневно делают обход, и еще никто из малышей ничем серьезным не болел. Так, максимум простудка или газики.

А потом они зашли в ясельную группу, и на рапирообраз-

ный филантропский взгляд наткнулось румяное тело Василисы.

Странный момент. словно рыжая жизнь и бледная смерть коснулись друг друга и замерли в ожидании кто кого.

Василиса приоткрыла рот в изумлении. Она как будто хотела спросить самую себя и окружающих, как в их краях прос такой ядовитый мухомор. Но она ничего не сказала.

И он ничего не сказал. Но выдернул из нее свой пристальный взор и перевел его на директора, который вдруг почему-то начал неудержимо краснеть.

И тогда Филантроп словно прочертил глазами ровную линию, навеки отрезающую директора от Василисы. И тот сразу все понял. Что нельзя ему на нее посягать. Ни сейчас, ни потом и ни во веки веков.

Как он понял, неизвестно. Но уяснил железно.

Поэтому и сейчас мог лишь подсматривать за няней украдкой. И отлеплять не в меру наглые глаза усилием воли. И плестись обратно в кабинет, так и не обнаружив своего задверного присутствия.

Сегодня, впрочем, он имел полное право войти в ясельную группу и заговорить с Василисой.

Не по собственной воле, но по распоряжению начальства.

Потому что только что ему позвонили и объявили об ожидаемом прибытии еще одного младенца. Новорожденного. Со дня на день.

Вот почему директор пришел в Василисины владения и

законно паялся на ее фантастический полет с бутылками каши.

– Вот что... – начал он.

Василиса обернулась и посмотрела просто, добро, выживающе.

– Готовьте еще одну кроватку, – приказал директор.

– Сделаю, – пропела Василиса и взлетела над полом по направлению к бельевому шкафу.

Глава 4. 2027 год

Телестудия, как всегда, бурлила. Все куда-то носились. В основном не с пустыми руками, а с бумажками, кабелями, стаканами и прочей подходящей обстановке бутафорией.

– Не туда! Не туда! – скандировал встрепанный пузатый мужчина. – Не в тот угол, я сказал!

И четыре ноги под цветной декорацией послушно замерли на мгновение, а потом развернулись и потопали в противоположную сторону.

При этом обнаружилось, что ноги принадлежат двум близнецам – в одинаковых шортах, в одинаковых рубашках, с одинаковыми прическами и с одной парой серег на двоих, каждому – в левое ухо. Как их мама друг от друга отличала? Может, и она не отличала, а уж посторонним-то ни за что не отличить.

– Скамейки будем ставить по периметру, – объявила дама со съехавшей набок прической.

– Так студия же круглая, – усомнилась совсем молоденькая девушка, по всей видимости дамина ассистентка.

– И у круга есть периметр. Вы, милочка, в школе плохо учились.

Дама укоризненно покачала головой, и ее прическа, влекомая центробежной силой, устремилась к правильной позиции, откуда снова неизбежно съехала набок.

Обреченные периметру скамейки покамест дыбились бесформенной грудой прямо посреди студии, а вокруг них, как вокруг горы Синай, сновали так или иначе задействованные в будущем шоу люди – избранный народ для грядущего откровения.

Все это великолепие открылось взору впервые прибывшего сюда юноши, который замер при входе и совершенно потерялся среди этого пока еще гулкого и недружелюбного телевизионного святилища.

Под ногами его извивались змеями толстые кабели, которые, конечно же, двигались не сами, а подчиняясь рывкам какого-нибудь техника. Но так как этого заклинателя змей в непосредственной близости не наблюдалось, то юноша, на всякий случай соблюдая осторожность, устоял себе под ноги в совершенной готовности в случае надобности перепрыгнуть или переступить.

– Что стоишь? – вдруг гаркнул на него пузатый мужчина. – По башке решил схлопотать? Вон смотри, что сверху на тебя прет.

Юноша послушно задрал голову и увидел обвитый сверкающими лампочками столб, который плавно приближался к полу, грозя задеть разяву своим внушительным основанием.

– Сюда иди! – приказал пузатый. – Ты что здесь делаешь вообще?

– Я от заказчика. Для отчета. Посмотреть, как продвига-

ется.

– От самого? – почтительно переспросил пузатый.

– Да, – подтвердил юноша.

– Что-то не больно ты похож на его молодцов.

– Я не из охраны, я из последователей.

– Из апостолов, стало быть.

Юноша покраснел:

– Ну это как-то слишком громко сказано, не по чину.

– А вот скажи мне, что в нем такого, в этом вашем кудеснике? – прицепился пузатый. – Как он все это делает?

– Я не знаю как, – ответил юноша. – Не знаю и не допытываюсь, а просто верую.

– Просто веруешь... – повторил пузатый не то с вопросительной, не то с утвердительной интонацией. – Я думал, в наше время места вере не осталось. Все поддается научному объяснению. Все можно расщепить до мельчайших деталей.

– Можно, но страшно.

– Отчего же страшно?

– Оттого что тогда цели не останется, когда дойдешь до последнего рубежа познания. А вера безгранична. Держись за нее, и она никогда не оборвется, никогда не закончится.

– Крепко, однако же, ваш босс тебе мозги обработал, – сделал вывод пузатый. – Ладно, пойдем со мной. Я тут ответственный за оформление студии. Все тебе покажу.

– Спасибо.

– А звать-то тебя как? Меня Дастином. Актер такой был

популярный – Дастин Хоффман. Моя маман его обожала, вот меня и наградила.

– А я 22-й.

– Чего? – брови пузатого поползли к пробору.

– 22-й – это мой порядковый номер.

– Господи! Это что же, у вас номера вместо имен?

– Учитель считает, что мало кто из людей на самом деле достоин носить имя. Буквы еще надо заслужить, а с цифрами гораздо проще. Так сразу понятно, кто за кем приобщился к нашей коммуне, кто за кем стоит в иерархии. И правило даже есть: старший номер уважай, младшему помогай.

– Чего только не придумают! – усмехнулся пузатый. – Ну а раньше, до того как – было у тебя имя?

– Раньше было.

– И что, мать-то с отцом не называют тебя теперь уже так, что ли? На 22-го переключились?

– Переключились.

– Дела!

Тут уже пузатый не нашел чего бы такого умного сказать и перешел прямо к делу:

– Вот тут у нас, смотри, подиум будет, на котором вашему учителю восседать. А вот тут – отсек для экспертов, которые должны освидетельствовать участников.

Юноша смотрел, представлял, как все заработает в эфире, и кивал.

– Ну а здесь, по центру, стул для клиента. Как думаешь, не

слишком далеко от кудесника? Хватит ему его магических сил, чтобы дотянуться?

– Учитель может изменить вашу судьбу, даже если вы будете находиться на другом континенте.

– Ну, значит, до стула тем более дотянется, – успокоился пузатый. – А там зрители.

– Сколько зрителей?

– Триста человек влезут спокойно. Но можно и меньшим количеством обойтись.

– Чем больше, тем лучше, – заволновался 22-й. – Это должны увидеть как можно больше людей. А кто увидит, уже не усомнится. И примкнет.

– Так уж и примкнет?

– Без сомнения. Мы и на телезрителей очень рассчитываем, но те все же еще могут не поверить: сослаться на монтаж, на технические трюки. Те же, кто вблизи, они примут правду. Они выйдут отсюда преображенными.

– В таком случае мне лучше тут все подготовить да и идти себе домой, подальше от ваших фокусов.

– Не фокусов, – горячно зашептал юноша. – Не фокусы это, а самая удивительная реальность, которая когда-либо поражала человеческое воображение.

– Ну-ну, – покачал головой пузатый. – Ты уж не обижайся, парень, но эти вещи не по мне. Я не сумасшедший.

– И я нет, – улыбнулся 22-й.

Улыбка его была долгой и какой-то отрешенной, блажен-

ной, что ли. Вроде как и не снисходительной, но почему-то отдаляющей, создающей дистанцию.

И понял тогда пугатый, что улыбаться так простой человек не может. А может только тот, кто прикоснулся к возвышенной тайне. К истине. Или, по крайней мере, тот, кто думает, что удостоился такого прикосновения. Потому что на самом деле ведь никаких возвышенных тайн и истин не существует. Но умеющим отрешенно улыбаться этого все равно не докажешь.

– Скамейки ставьте в три ряда, – поучала дама с прической. – И расстояние, смотрите, соблюдайте, чтобы люди свободно проходили.

– И чтобы ноги могли вытянуть, – добавила ассистентка.

Дама, в отличие от ассистентки не имеющая возможности похвастаться особой длинноногостью, приняла это замечание с ядовитой ухмылкой:

– Тут не салон самолета, милочка. Два часа и так перебыются. Нам важнее, чтобы их тут больше поместилось.

– Скамейки жесткие, – пожаловалась ассистентка.

– У кого костлявая задница, тому жестко, – потеряла терпение дама.

– Они не почувствуют неудобства, – встрял 22-й. – Они будут так поглощены увиденным чудом, что вообще забудут, на чем сидят.

Дамина прическа качнулась в недоумении.

«Что это за фрукт?» – вопрошали ее глаза. Но не губы, по-

тому что она была слишком хорошо воспитанна, чтобы формулировать свои вопросы незнакомцам таким прямым образом.

– Это представитель заказчика, – пояснил пузатый. – А это наш продюсер Клара. И ее помощница Кирочка.

– Насчет скамеек не беспокойтесь, – снова заверил 22-й. – Люди обо всем забудут. Совершенно обо всем.

– Уж очень хотелось бы надеяться, – сказала продюсер Клара. – За такие деньги, которые вкладываются в это шоу, хорошо бы получить продукт соответствующего качества. А между тем...

Тут она сурово свела верхние части бровей и качнула прической к противоположному берегу:

– А между тем мы еще не видели вашего загадочного учителя и не можем быть уверены, что он вообще телегеничен и способен удержать внимание аудитории. Что его речь чиста. Да и как выпускать в прямой эфир человека, с которым не знаком? Кто подберет ему грим, костюмы? Кто пробежится с ним по сценарию?

– Я вас уверяю, что он превзойдет все ваши представления о том, какой должна быть настоящая телезвезда. И одет он всегда безупречно, не беспокойтесь.

– За те деньги, что мне платят, я могу и не беспокоиться. Но все же это чрезвычайно странно. Это просто неприемлемо – выпускать на экран человека-невидимку.

– О, сейчас он, может быть, и невидим, но скоро он станет

самым хорошим знакомым, – сказал 22-й. – С вашей помощью он войдет в каждый дом. И никто не захочет, чтобы он уходил. Ему предложат самое почетное кресло, а сами прильнут к его ногам.

В ответ на эту мини-проповедь дамина прическа поддавалась инерции, тянущей ее к исконным позициям, а пузатый почесал пузо.

Что же касается Кирочки, то она почему-то испугалась. Образ учителя, входящего в каждый дом и поощряющего паству прильнуть к ногам, оказался слишком живым. Вот и она сама уже в своем воображении распростерта перед ним на полу. А он смотрит на нее со сверкающего подиума, залитый светом софитов и ужасающий.

– Криво! Криво ставите столб! – завопил пузатый на близнецов. – Глаз у вас, что ли, нет?

Близнецы послушно отпрянули и начали тянуть столб в другую сторону.

Глава 5. 2000 год

Человек с портфелем работал в магазине старой книги.

Именно он принимал в руки переставшие казаться нужными издания. Дотрагивался до переплетов, вдыхал неповторимый запах: у каждого года, каждого издательства, каждого сорта бумаги – свой.

Потом он назначал цену.

Большинству книжных владельцев цена не нравилась.

– Это же редкое издание, – говорили они. – Таких же сейчас днем с огнем.

– Я очень хорошо знаком с этим изданием, – уверял он. – И цена самая подходящая. У меня его дороже никто и не купит.

– А зачем тогда вы тут сидите, если ничего не навариваете? – с подозрением спрашивали книжные хозяева.

– Чтобы подыскивать книгам новых читателей. По-моему, вполне благородный труд.

Но его мало кто понимал – время такое наступило, что читать-то было особо и некогда. Вот сами же они избавлялись от своих книг, так и не прочитав.

Человек с портфелем часто задавался вопросом: почему люди покупают книги, если не намереваются их читать?

Чтобы добавить солидности гостиным?

Чтобы похвастаться кому-то, что и у меня такие есть?

Чтобы было что оставить в наследство детям?

Чтобы продать, случись наступить черному дню?

Черные дни уже наступили, и в магазине старой книги не хватало полок для проживших не один десяток лет, но зачистую так и не разрезанных фолиантов.

– А сами вы их все читали? – спросила девушка с побледневшим синяком, заходя с улицы в тепло, пропитанное книжным запахом.

– Все. А также те, которых здесь еще нет или уже нет.

– А я пришла посоветоваться.

– Я тебя слушаю. Ты не против перейти на ты?

– Не против. И спасибо, что готов слушать.

– Тогда приступай.

– Я все-таки прочла ту газету.

– Зря.

– Вот в этом и вопрос: зря или не зря. Ты же сам говорил, что ее тебе дали для меня. Кто сказал, что только для лечения синяка? Кто сказал, что не для чтения?

– Видимо, ответ зависит от того, что именно ты там прочла, и что именно тебя так взволновало, и из-за чего тебе понадобилось посоветоваться.

– Там было объявление.

– Это обыкновенно для газет.

– Но это было необыкновенное. Я ведь тогда сидела и плакала. И думала, что мне делать с моим ужасным горем. А в этом объявлении был ответ. И конкретные предложения по

поводу горя.

– И ты думаешь, что это не случайно.

– Именно так я и думаю. Ведь ты сам об этом говорил.

Человек с портфелем нахмурился:

– Но ты ведь понимаешь, что это неслучайное объявление неслучайно подвернулось тебе не обязательно для того, чтобы ты с ним согласилась. Может быть, смысл в том, чтобы его отвергнуть?

– Это слишком сложно, – помотала головой девушка с сиянием.

– На фоне того, что действительно может быть названо сложным, это слишком просто.

– Не путай меня. Ты ведь этого объявления и не читал еще. Прочти – потом говори.

– Ты не забыла, что я не читаю газет?

– Тогда ты не сможешь дать мне правильный совет. И что, про газеты – это так принципиально?

– Если честно, это не тот принцип, которым я не могу пренебречь. Хотя ранее мне не приходилось этого делать.

– Почему? И почему ты их не читаешь?

– Видишь ли, я очень чуток к печатному слову.

– Объясни мне, – попросила она.

– Хорошо, – согласился он и поправил обмотанные пластырем очки. – В Библии написано, что этот мир был сотворен словами. Или, если цитировать точнее, Словом Божиим. В каком-то смысле я в это верю.

– Ты веришь в Бога?

– Нет, я верю в силу слов. Слова – очень въедливые существа. Прекрасные или опасные – но какими бы они ни были, как только они проникают в наше сознание, тут же пускают корни. И выкорчевать их практически невозможно. Правильно подобранным словом можно поднять полк на смертный бой. Можно спровоцировать толпу на погром. Можно – на благое дело. Слово – очень сильное оружие, и неопытному воину не стоит держать его в руках и бездумно тыкать в разные стороны. Вооруженный малолетка с неразвитым пока сознанием может употребить сильнодействующие слова во вред себе и другим людям. А потом уже не расхлебашь. А если из этих слов состряпать злую прокламацию или бессовестную книгу, то можно весь мир разрушить. В этом смысле я и понимаю библейскую цитату. Словами мы творим мир. Словами мы его уничтожаем.

– А газеты?

– На протяжении мировой истории люди часто играли не только устным, но и печатным словом. Они вымарывали из летописей признанные прошлыми поколениями факты и вписывали в опустевшие строки новые имена и новые подробности. Они предавали забвению истинных героев и прославляли ничтожеств и диктаторов. Вот что они делали. И вот что продолжают делать. Поэтому я читаю книги, в которых, как в бессмертных коконах, хранятся забальзамированные души хороших и честных писателей, желавших творить

добрый мир. И поэтому я не читаю газет, в которых правда не дневала и не ночевала, в которых каждая строчка – манипуляция неразвитым разумом.

– Не все же газеты врут.

– Они подчиняют свое содержание злобе дня. Им чуждо искание истины. Если ты читала Оруэлла... Там есть очень яркий образ: правительство одной страны подчищает память людей через старые газеты. Их перепечатывают заново и сдают в библиотеки, чтобы люди пришли, прочли и убедились, что воевали они вовсе не с той страной, что справа, а с той, что слева. И люди глотают эту страшную микстуру. И верят. Чтобы через год или два снова узнать, что враг и союзник поменялись местами.

– Это фантазия. У нас никто такого не делает.

– Я же только что сказал, что летописи подчищались. А газеты и подчищать не надо. Они полны сиюминутных настроений, которые гибнут раньше, чем мотыльки-однодневки. Они отравляют наши души. И я предпочитаю использовать свинец их шрифта для лечения синяков – не более того.

– Так что же мне делать?

– Твое объявление может быть важным и нужным. Может – неподходящим и опасным.

– Как это понять?

– Покажи мне его.

Девушка с синяком раскрыла маленький рюкзачок на длинных лямках, который так и не сняла с тех пор, как во-

шла в магазин, и достала оттуда слегка помятую газетную вырезку.

Человек с портфелем в очередной раз инстинктивно поправил очки и начал читать.

Много времени ему не потребовалось – объявление было совсем короткое. А потом он отложил его в сторону и сказал просто и без малейших колебаний:

– Не ходи туда!

– Ты думаешь, не ходить? – расстроилась девушка.

– Не ходи!

Глава 6. 2024 год

Пока слепой спал, в той же квартире на кухне происходил разговор.

Беседовали отец слепого и человек, доселе в эту квартиру еще не заходящий, но, судя по всему (если бы кто захотел взглянуть со стороны и сделать свои выводы), хозяину знакомый – и даже очень хорошо.

Нельзя сказать, чтобы он отличался приятной внешностью, но отсутствие таковой он компенсировал повышенной эмоциональностью и какой-то нарочитой, глянцево-прямой для наглядного пособия, позитивностью. Он словно сознательно перекроил свое лицо под рекламный слоган. Вроде: «Положитесь на нас – и мы решим все ваши проблемы» или «Со мной не пропадешь».

– Вы думаете, это может сработать? – спросил его отец.

– Наверное, неэтично позволять себе подобные высказывания по отношению к семье больного человека, и меня могут упрекнуть во внушении ложных надежд, но я не боюсь ни того ни другого, потому что уверен: это сработает!

Да, гость говорил слегка витиевато, но отец не следил за стилем, он жадно впитывал суть.

– Почему вы так уверены?

– Потому что я видел, как он это делает. Это... Простите, но я не нахожу этому никаких логических объяснений, а

потому назову это устаревшим, но единственно подходящим словом. Это чудо!

– Чудо? Вы верите в чудеса?

– Приходится поверить, когда сталкиваешься с ними вплотную.

– Может быть, он использует какой-то особый вид энергии, какое-то излучение?

– Я не знаю подробностей. Но я видел результаты собственными глазами. Люди выздоравливают.

Отец встал с табурета и сделал круг по кухне. Нервно, практически на одних пальцах ног, не касаясь пола пятками.

– Даже если порок врожденный? – спросил он, возвращаясь к столу.

– Да. И в таких случаях. Не сомневайтесь! – ответил гость.

– Нет, не знаю. Я боюсь сказать ему об этом. Вдруг он поверит, а потом что-то не получится? Ну бывают же исключения. Не исцеляются же все сто процентов. Мне страшно его обнадеживать. Он уже свyksя с темнотой и не так уж плохо себя в ней ощущает.

– Вы не обязаны говорить ему заранее. Просто приведите его на сеанс, и все. Скажите, что это очередной доктор, очередная консультация.

– Об очередности нет и речи: мы давно уже не посещаем врачей. Все они были едины во мнении, что мальчик неизлечим.

– Хорошо, придумайте что-нибудь.

Отец в волнении потер ладони:

– Нет, я не могу его обманывать. Придется сказать, как есть.

– Только ничего не обещайте, – посоветовал гость. – Договоритесь о попытке, об использовании маленького шанса. Скажите, что он минимальный. Что вы делаете это просто для того, чтобы не корить себя потом, что не попробовали.

– Да, хорошо, я так и скажу.

Гость между тем раскрыл дипломат и извлек на свет божий пачку фотографий.

– Вот смотрите: это люди, которые исцелились. Вот они до и после. И это не придуманные персонажи. У каждого есть имя, адрес, телефон. Они готовы все подтвердить, ответить на любые вопросы. Это то, что они взяли на себя добровольно, чтобы помочь другим людям.

– Да-да, – рассеянно сказал отец, впиваясь взглядом в разложенные на столе снимки.

Гость не мешал просмотру этого внушительного портфолио и почтительно помалкивал.

– А скажите, – нарушил молчание отец, – среди них были и... слепые?

– Трое.

– Они родились слепыми?

– Двое – да. Третий ослеп в раннем детстве.

– И все... прозрели?

– Все. Да вот сами посмотрите. Вот эта женщина и двое

молодых людей.

Отец снова вцепился в фотографии и через некоторое время провозгласил, не то выражая сомнения, не то отгоняя их:

– Это невозможно, невероятно!

– Мы живем в двадцать первом веке. Кто осмелится утверждать, что человеку не по силам раздвинуть границы между невозможным и очевидным?

– Очевидным, – как эхо прошелестел отец.

– Да, очевидным. Чтобы видеть воочию. Чтобы очи видели.

– Неужели он будет видеть? – спросил отец, и его собственные глаза увлажнились невесть откуда взявшейся слезой.

– Он будет! Я уверен в этом!

– Завтра его мать выписывается из больницы. Она тоже будет безмерно счастлива. Безмерно.

– Я полагаю.

Отец открыл шкафчик и достал оттуда бутылку и пару рюмок.

– Давайте выпьем за это! – предложил он.

– Я за рулем, – ответил гость.

– Тогда я выпью сам. За нашего мальчика!

И с этими словами он опрокинул рюмку, которая почему-то (ведь не пьян же он был пока) несколько раз стукнула по зубам.

Если бы его сын проснулся, он со своим превосходным слухом определил бы этот звук как ми-бемоль. Но он продолжал спать и видеть сны.

Сны, где уже закончился черешневый сезон и теперь происходило что-то медицинское. Запах спирта, прикосновение влажной ватки к дрожащей коже, звон шприца о металлический поддон.

Сколько подобных звуков, запахов и тактильных ощущений он имел в своей реальной жизни? Столько, что и не перечесть!

И все-таки на этот раз в его сне происходило что-то странное, непохожее на все предыдущие подобные ночные видения.

Шприц звякнул о поддон, и тот пропел какую-то особо длинную, длиннее, чем обычно, ноту.

Но слепой не успел ее определить, потому что тут что-то еще завибрировало совсем внезапно. Не там, справа, где медсестра из сна раскладывала инструменты, а прямо перед его лицом.

Что-то тонкое и острое.

Оно приближалось к его переносице и уже практически касалось ее. Оно заставляло воздух содрогаться и становиться горячее. Оно стремилось ужалить, убить. Или, наоборот, осчастливить? Раскрыть какую-то тайну?

Он напряженно прислушивался и пытался понять, что это за вибрация. Но уши были бессильны определить ее источ-

ник.

Он не понимал почему. Ведь у всего на свете есть звук. И он прекрасно умеет отличить шорох гонимой ветром по полу бумажки от неспешной прогулки ищущего чем поживиться таракана.

Так что же случилось на этот раз? Почему движение воздуха перед его лицом никак не звучит? Хотя бы едва-едва, не для зрячих, но для него – чуткого к голосу мироздания калеки?

Он пытался, но не успел разгадать загадку, потому что в это самое время придвинувшееся вплотную жало полоснуло его по глазам, и он закричал от оглушительного (не звуком, но чем-то совершенно непонятным и неопределимым) нечто, которое открылось (так это, что ли, называется?) его взору (так это определяют обыкновенные люди?).

Он увидел вспышку света, исходящего от чего-то прямоугольного, зажегшегося прямо над головой. И еще он увидел какое-то жуткое существо – монстра, у которого была только верхняя половина лица (об этом он мог догадаться, сопоставив с увиденным свой богатый тактильный опыт). Нижняя же тонула в какой-то субстанции: материи или, может быть, шерсти.

У субстанции явно был цвет, но он не знал какой, ибо никогда не сталкивался ни с чем подобным.

То есть, конечно, ему читали в книжках, что существуют белый, серый, розовый, коричневый и еще много каких. Но

как слепому понять, чем они отличаются друг от друга?

А вот сейчас, в этом жутком сне, он все видел сам. Только не мог определить словами ничего из увиденного.

Звон шприца о поддон еще не заглох, ведь все произошло так быстро, в сотую долю секунды. И он повернулся навстречу этому звуку и увидел, что поддон такого же цвета, как нижняя часть лица того существа. И что рядом еще одно существо, поменьше ростом. Но тоже лишь с половиной лица.

И ему стало так страшно, что сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

И он проснулся.

И закричал, как животное, которое поедает заживо.

И на крик прибежал отец. И обнял его, и гладил его лицо.

И говорил:

– Шшшшш! Ну что ты, сынок? Ведь все же хорошо! Ну что же ты кричишь?

А он плакал и не мог сначала объяснить, что произошло. А потом все-таки попытался и сказал:

– Папа, я видел!

– Что ты видел?

– Сон. С предметами. Цветной сон. Я видел его глазами.

– Но, сынок, – покачал головой отец, – это невозможно.

Слепые от рождения не видят сны. Они не могут.

– Я раньше тоже не мог. А теперь увидел. Это, это как... Я не знаю, как объяснить.

– Что, что ты видел?

И пока сын пытался облечь неведомое в привычные звуки, ночной гость на кухне, где было слышно все происходящее в спальне, тихо собрал фотографии и сказал сам себе:

– Вот оно, значит, как! Не вовремя это! Не вовремя!

Глава 7. 2001 год

Малыш оказался такой славный, такой сладкий! Она всех их любила, но этот приглянулся ей особенно.

Наверное, потому что показался ей жадным до новых впечатлений и любопытным. Ведь совсем еще кроха, пару недель от роду, и видеть еще толком не научился, а пучит свои глазенки и позыркивает туда-сюда. Мол, покажите мне этот мир, сейчас я тут со всем разберусь, а потом что надо подправлю и подлатаю.

Василиса прижимала его к своей пышной груди и пыталась разглядеть в этих пока еще голубых глазах признаки понимания. И малыш тоже сосредоточенно пялился в ответ и причмокивал губами.

– И что ж это за мамка такая, которая могла от него отказаться? – возмущалась Василиса. – Ну и стервозные ж бабы пошли! Родить и выкинуть, словно конфетную обертку какую! И ведь не уродца, не больного, а такого крепкого чудного пацана!

Директор подслушивал ее из-за двери и немного ревновал. Не к самому новому малышу, а к тому, что слишком уж долго из-за этого ребятенка стала Василиса просиживать на одном месте. А ему хотелось следить за ее полетом, за стремительными всплесками рук и косы.

«Пусть бы уже заснул пострел, – думал директор. – Или

пусть бы уже другие писуны заорали, что ли!»

Но в ясельной группе было мирно и тихо. И Василиса не поднималась с кресла, а держала этого новенького – самого маленького, самого беззащитного – на руках и ворковала с ним о чем-то блаженном и директорскому уму непостижимом.

– Вот сама возьму и рожу такого, как ты, – признавалась няня любимому грудничку. – А что? Возьму и рожу. И сиську буду давать. И тебе бы дала, да пусто там.

Пучеглазик пялился и больше никак не реагировал на услышанное.

– Сиську-то небось хочется? – продолжала свой монолог Василиса.

Директору за дверью уж точно хотелось сиську, но и он помалкивал и никак не обнаруживал своего присутствия.

– Сиська мягкая, тугая, да не про тебя, – дразнила Василиса. Не то малыша, не то директора.

«Неужто догадывается баба? – пугался директор. – Нет, не может она догадываться. Совпадение это. Случайность».

– А у твоей мамки-стервозы сиськи полные. Болят, поди. Она их перевязывает, а молоко все прибывает, – злорадствовала няня. – А ты, бедолага, на скудной смеси растешь. Да уж я тебя не оставлю. Выхожу. Еще таким молодцом станешь – любо-дорого посмотреть.

Малыш продолжал пялиться и не думал засыпать.

– Станный ты, однако. В твоём возрасте спать положено,

а ты глядишь. Может, доктору рассказать? И расскажу, пожалуй.

Но малыш не хотел, чтобы на него жаловались доктору, и в срочном порядке засыпал.

А Василиса все продолжала сидеть, чтоб не потревожить любимца, чтобы дать ему время уйти в сон поглубже. И только потом аккуратно перекладывала его в люльку и шла заниматься делами.

То есть не шла, а летела. На радость директору. И стенам, и бутылкам, и пеленкам – всему, до чего касалась и на что бросала глаз.

– Как новенький? – спрашивал по телефону Филантроп.

– Как на дрожжах подрастает, – подобострастно отвечал директор. – И накормлен, и ухожен, и обласкан.

– Хорошо, – лаконично ответствовал Филантроп и бросал трубку.

– И этому он, что ли, особо приглянулся? – удивлялся директор. – Надо же, какая персональная забота! А что в нем такого-то, в сморчке этом? Ну чего такого?

Может быть, если бы директорова мать держала его на руках так же долго, как это нынче делала с подкидышем Василиса, ему бы легче было найти ответы на свои вопросы. Но увы, его мать и в подметки не годилась рыжей няне.

Хотя бы уже потому, что пока директор внимал коротким гудкам, пришедшим на смену быстро законченному разговору, Василиса пела малышу колыбельную. Что-то вроде та-

кого:

Мячик я куплю тебе, резиновый, цветной.
И пойдем гулять с тобой по травке луговой.
Завтра воскресенье,
Завтра день весенний...

На этом Василиса прерывалась, как прерывалась всегда, потому что дальше слов не знала.

Но ее врожденная потребность в гармонии требовала завершения текста, пусть даже не в рифму и не в такт. Поэтому она вздыхала и заканчивала свое сольное выступление чем-нибудь эдаким:

– Ох вы детки мои горемычные!

Горемычные в ответ только посапывали.

Летучая Василиса была очень хорошей девушкой.

После перевода детишек из ясельной группы в младшую детсадовскую она часто навещала туда и разузнавала об их житье-бытье.

Только не все ее груднички попадали в садик и не все там задерживались надолго. Потому что многих усыновляли бездетные пары. Об этом Филантроп заботился особо и самозабвенно.

– Это ж кому чужие-то нужны? – спрашивала Василису подруга.

– Кто сам родить не может.

– Ну и хорошо. Живи – наслаждайся. Зачем на чужих здо-

ровые тратить?

– Детей любят, стало быть.

– Не понимаю.

– А я понимаю. Я бы и сама одного усыновила. Сладкий уж очень, глазастенький такой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.